

УДК 81'36
DOI 10.52452/19931778_2024_1_201

СТЕПЕНИ И ПРЕДЕЛ АДВЕРБИАЛИЗАЦИИ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОФОРМ ВРЕМЕНЕМ И ВРЕМЕНАМИ

© 2024 г.

В.В. Шигуров, Т.А. Шигурова

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск

shigurov@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2024

Исследуется проблема адвербиальной транспозиции беспредложных форм творительного падежа в класс наречий. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью устройства и закономерностей функционирования механизма ступенчатой транспозиции языковых единиц в грамматическом строе русского языка. Целью работы является определение этапов и предела транспозиции субстантивных словоформ в класс наречий. С использованием методики оппозиционного анализа установлено, что адвербиальная транспозиция исследуемых субстантивных словоформ эксплицируется в типовых контекстах тремя стадиями, фиксирующими соответственно зоны ядерных существительных (первый этап), периферийных существительных (второй этап) и ядерных наречий (третий этап). Зоны гибридных образований и периферийных наречий данные словоформы минуют в семантико-грамматическом развитии, сразу трансформируясь в ядерные наречия. Пределом адвербиализации словоформ «временем» и «временами» служат наречия, вышедшие за пределы семантической зоны существительного «время». Образование этих наречий связано с функционально-семантическим типом адвербиальной транспозиции существительных, сопровождающимся нарушением смыслового тождества исходной лексемы и образованием лексико-грамматических омонимов. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей разработке проблем транспозиционной грамматики русского языка, а также в практике преподавания русской грамматики в высшей и средней школе.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, транспозиция, адвербиализация, существительное, наречие, ступень.

1. Вводные замечания

В современном русском языке широко используются слова и выражения, которые позволяют лаконично, но семантически емко передавать мысли и чувства человека. Эта потребность в экономном выражении сложных мыслей и чувств удовлетворяется в значительной мере благодаря механизму транспозиции, действующему на разных уровнях языковой системы. Единицы языка, как известно, способны примыкать при межкатегориальной транспозиции к разным частям речи и межчастеречным разрядам предикативов и вводно-модальных слов и выражений, обогащая тем самым свою смысловую структуру. Действием закона экономии языковых средств и речевых усилий обусловлена, например, транспозиция словоформ типа *страшно, ужасно* из качественных наречий в количественные, что можно наблюдать, скажем, в словосочетаниях *страшно красивый, ужасно страшный*, где «совмещение в одной языковой единице нескольких значений позволяет в более компактной форме передать большее количество информации» [1, с. 82]. Образование огромного количества синкретичных (периферийных и гибридных) структур связано с раз-

ными типами транспозиционных преобразований языковых единиц в системе частей речи и межчастеречных разрядов (а также их грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов). В связи с этим весьма актуальным для теории грамматики представляется комплексное системное исследование природы и принципов работы механизма частеречной транспозиции, порождающей в речи синкреты разных типов, эксплицирующие разные степени отхода от исходных частей речи и приближения в рамках адвербиализации, субстантивации и т.п. к другим частям речи, что позволяет концентрировать «сгустки» человеческой мысли в форме синкретичных образований с набором дифференциальных признаков взаимодействующих классов слов. Ср., например, контекст употребления инфинитива *видать*, синтезирующего в своей структуре признаки глаголов, слов категории состояния и/или оценки, вводно-модальных единиц и союзов: *Послышался лай собак. Видать, деревня близко*. Уместно вспомнить следующее высказывание А.М. Пешковского: «... Как человек может быть одновременно и умным, и блондином, так и слово может быть одновременно и прилагательным, и местоимением («такой»), и глаголом, и числи-

тельным («утраиваю»), и прилагательным, и предметным словом («каменный»), и существительным, и качественным словом («белизна») и т.д.» [2, с. 47–48].

Теоретической основой исследования фактов синкретизма в грамматическом строе русского языка может быть признание того, что в частях речи находит отражение концептуальная картина мира, в которой многие элементы диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены. По этой причине адекватное представление системы частей речи невозможно без исследования механизма их взаимодействия, взаимопроникновения, проявляющегося в комбинаторике и удельном весе разных дифференциальных признаков взаимодействующих в речи частей речи (см., напр.: [3, с. 42–55]). Явно в недостаточной мере изучены в лингвистической науке многие типы синкретичных (периферийных и гибридных) образований, находящихся в переходных зонах между разными частями речи, в том числе на пересечении сразу нескольких транспозиционных процессов (о разных типах транспозиции см., напр.: [4–11]).

2. Материал и методы исследования

Объектом исследования в настоящей статье служит транспозиционный процесс адвербиализации русских существительных без предлогов, который может быть осмыслен двояко на синхронном языковом срезе – в динамическом и статическом аспектах. О возможности двоякой интерпретации синхронного словообразования см., например, в исследовании Е.С. Кубряковой (см.: [12, с. 3, 5]). Предмет исследования – субстантивные словоформы *временем, временами*, демонстрирующие в типовых контекстах разные стадии адвербиализации. Материалом для работы послужили предложения, извлеченные из Национального корпуса русского языка и отмеченные в статье аббревиатурой [НКРЯ] (URL: <http://www.ruscorpora.ru/>).

Динамический аспект анализа адвербиальной транспозиции форм творительного падежа без предлога типа *зимой, шепотом, рядом* предполагает исследование ступеней их «движения» в типовых контекстах от существительных к ядру класса наречий: **С(ущ)** (ядерные существительные) --> **С(ущ) н(ареч)** (периферийные существительные) --> **с(ущ) н(ареч)** (гибриды, субстантивно-адвербиальные образования) --> **с(ущ) Н(ареч)** (периферийные наречия) --> **Н(ареч)** (ядерные наречия). Статический аспект анализа адвербиализации включает в себя исследование его результатов, т.е. отдельных стадий адвербиализации, а именно:

ядерных и периферийных существительных, гибридов, периферийных и ядерных наречий (об оппозиционном методе изучения фактов переходности и синкретизма в грамматическом строе языка см., напр.: [13–17]).

Вследствие ступенчатой функциональной и функционально-семантической транспозиции беспредложных форм существительных в наречия изменяется набор дифференциальных признаков в их структуре. С одной стороны, словоформы ослабляют и утрачивают признаки исходного класса существительных, а с другой – приобретают свойства наречий и при нарушении тождества исходной лексемы лексикализуются [18, с.108].

Надо сказать, что многие факты адвербиализации языковых единиц истолковываются неоднозначно. К ним относятся, например, одиночные образования в функции обстоятельства времени типа *летом (отдыхать на море)*. Одни лингвисты рассматривают их как наречия [19, с. 193–194 и др.], другие – как существительные [20, с. 284], третьи предлагают считать их синкретичными образованиями [21, с. 41]. По-разному определяется степень адвербиализации субстантивных словоформ и в других языках, в частности в украинском [10, с. 197–198; 201–205], словацком, немецком [22, с. 264–266], польском [23, с. 317–320].

В связи с тем, что степень адвербиализации разных групп субстантивной лексики неодинакова, целесообразным представляется использование шкалы переходности проф. В.В. Бабайцевой, которая позволяет графически передать разные стадии межкатегориальной трансформации слов и словоформ (см.: [21, с. 132–144]). В качестве инструментария использовались в работе общенаучные, общелингвистические и специальные методы (сравнение, обобщение; описательный метод, оппозиционный, дистрибутивный и трансформационный анализ; лингвистический эксперимент).

3. Результаты исследования и обсуждение

В результате исследования установлено, что творительный беспредложный *временем/временами*, так же, как и *пора (порой)*, эксплицирует в типовых контекстах разные ступени транспозиции в обстоятельственные наречия со значением интервала, превышающего некую норму ('иногда'): **С(ущ)** (ядро существительных) --> **С(ущ) н(ареч)** (периферия существительных) --> **Н(ареч)** (ядро наречий). Гибридных, субстантивно-наречных форм [на ступени **с(ущ) н(ареч)** шкалы переходности] и периферийных наречий [на ступени **с(ущ) Н(ареч)**], функцио-

нирующих в семантической зоне существительного *время* (*временем/временами*), не обнаружено. У словоформы *временами* нет и зоны периферийных существительных (см. далее).

3.1. Степень ядра существительных

1. Степень **С(ущ)** словоформы *время* (*временем, временами*) на шкале адвербиальной транспозиции демонстрирует зону ядра класса существительных, хотя они и представляют группу синкретичных, абстрактно-конкретных слов (*время*). Синкретизм словоформы проявляется в том, что по семантике она относится к классу абстрактных слов, а по грамматическим свойствам – способности образовывать формы множ. числа (*время / времена, времен* и т. п.) – к конкретным.

Им свойственны такие дифференциальные признаки исходного класса слов, как: а) категориальная семантика предмета (предметности); б) принадлежность к лексико-грамматическим разрядам нарицательных, неодушевленных и отвлеченных (по семантике) и конкретных (по грамматике) существительных; в) классификационная категория рода и словоизменительные категории падежа и числа; г) парадигмы двух категорий – падежа и числа (при конкретизации лексического значения; ср.: *время – времена*). В предложении указанным субстантивным словоформам могут быть присущи следующие синтаксические функции:

– Функция подлежащего:

(1) *Время Достоевского было другим временем, и каторга тогдашняя ещё не дошла до тех высот, о которых здесь рассказано* [В. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)] [НКРЯ];

– Функция дополнения и/или внутреннего обстоятельства:

(2) *Ничего из его наследства не тронуто ни людьми, ни временем, ни землетрясениями* [Ю. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)] [НКРЯ]; *Муки-то, они не временем мелятся. Иной за полчаса больше намучится, чем другой за полгода* [И. Грекова. Перелом (1987)] [НКРЯ];

– Функция именного предиката:

(3) *Самым тяжелым временем для Арсения был вечер* [Е. Водолазкин. Лавр (2012)] [НКРЯ].

Семантика предмета и категории рода, числа и падежа ядерного существительного *время* (*временем, временами*) актуализируются синтаксически – формами синтаксического согласования с адъективными распространителями (4) и присубстантивными управляемыми распространителями (5):

(4) (а) *Всё это вместе показалось Милю Алексеевичу как бы заёмным из времён екатерининских и как бы несовместным с временем*

николаевским [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)] [НКРЯ];

(б) *Взросление попало в резонанс с другими временами* [А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019] [НКРЯ];

(5) (а) *Он приподнимался над окопным валом, быть-может, забывая, а быть-может, прекрасно помня о том, что для хорошего стрелка голова живого человека на триста шагов отличается от головы мертвеца только временем полета пули* [В. Каверин. Девять десятых судьбы (1926)] [НКРЯ];

(б) *Тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всему, что совершается в творенье* [Н. Гоголь. Мертвые души (1842)] [НКРЯ].

Форма творительного падежа *временем, временами* с объектным и/или субъектным значением в функции дополнения управляется каким-либо главным словом словосочетания, одиночным (6) или с предлогом (7), а также входит в структуру творительного предикативного (8):

(6) *Эраст восхищался бурными временами греческой и римской свободы: Леонид думал, что свобода есть зло, когда она не дает людям жить спокойно* [Н. Карамзин. Чувствительный и Холодный (1803)] [НКРЯ];

(7) *Мать не следила за временем и даже могла бы пропустить пупырышки звезд, если не послышался знакомый собачий лай и тихие, но слышные, шаги во дворе* [С. Кубрин. Муха // «Волга», 2009] [НКРЯ];

(8) *Ведь сначала Вадим Петрович рассчитывал посидеть всего полчаса и уйти – для него одиннадцать часов было временем поздним* [Г. Щербакова. Актриса и милиционер (1999)] [НКРЯ].

Синтагматика ядерного существительного разнообразна. В функции дополнения оно сочетается с сильно управляющими словами разных частей речи, но чаще всего с глаголами в личных формах (9), а также в формах причастия (10) и деепричастия (11):

(9) (а) *От этого пирога, пустившего под ножом упоительный сок, вдруг напахнуло былыми временами, маленьким счастьем, ясностью дней* [О. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016)] [НКРЯ];

(б) *Пахнет кондитерской, диким порченым солнцем, давними временами, неразличимыми воспоминаниями...* [В. Володин. Жарынь // «Волга», 2008] [НКРЯ];

(10) *По истертой временем синей чуйке и испитому лицу можно было догадаться, что он из одного сословия с Иваном Петровичем* [И. Кокорев. Сибирка. Мещанские очерки (1847)] [НКРЯ];

(11) *Греют руки или уходят от наказания, оправдываясь трудными временами* [П. Акимов. Плата за страх (2000)] [НКРЯ].

Встречается употребление ядерной формы творительного беспредложного и в присловной подчинительной связи с прилагательными (12), существительными (13):

(12) *И чего материшься! Недоволен временем? Ты же плод его...* [Э. Радзинский. Наш Декамерон (1980–1990)] [НКРЯ];

(13) *Про себя Павел Алексеевич знал, что судьба его пошла под горку. Он всё ещё работал, преподавал и оперировал, но исчезло из его жизни... чувство слияния с временем, в котором он существовал долгие годы* [Л. Улицкая. Казус Куццкого // «Новый Мир», 2000] [НКРЯ].

3.2. Степень периферии существительных

В зоне периферии существительных находится фиксированная форма творительного падежа единственного числа *временем*, употребляемая при поддержке адъективных распространителей в функции обстоятельства времени. Она используется при этом в высказываниях с глаголами, передающими в основном единичные, локализованные во времени действия (14); реже встречается в высказываниях, представляющих неограниченно-кратные действия (15); ср.:

(14) (а) *Малое время пробедовала матушка, пошла, не одевшись, по воду зимним временем, ударила ее лихорадка-леденя, – померла.* [Ю. Герман. Россия молодая. Часть первая (1952)] [НКРЯ];

(б) *Лена тем временем ушла из своей парикмахерской* [С. Довлатов. Наши (1983)] [НКРЯ];

(в) *Этим временем парень приблизился к ней тихой, щеголеватой походкой и с веселой улыбкой проговорил...* [Н. Лесков. Чающие движения воды (1867)] [НКРЯ];

(15) (а) *Летним временем дождик совсем не мешают, я пересидел его под елкой, сюда же в сухое место собрались от дождя комары, и как ни дымил я на них из своей трубки – собаку мою, Ярика, они очень мучили* [М. Пришвин. Ярик (1925)] [НКРЯ];

(б) *В поздний осенний день, ещё светлый, не слишком холодный, но уже пустынный, в саду, бывает, как наяву увидишь родных тебе людей, гулявших, хлопотавших здесь погожим летним временем* [В. Бирюлин. Новое вино на Зелёном (2016) // «Ковчег», 2015] [НКРЯ];

(в) *Долго еще после такого разговора дядя Листар отравлял мое удовольствие – сидеть на балконе его мезонина и смотреть на бескрайнее море тихим вечерним временем* [А. Левитов. Беспечальный народ (1869)] [НКРЯ].

Периферийное существительное (*зимним временем* в контекстах (типа 14а) употребляется в функции так называемого обстоятельства да-

ты, фиксирующего конкретную точку или период на оси времени: *пошла зимним временем* ≈ *пошла зимой*; ср. также: *в три часа дня, утром, осенью* (см.: [24, с. 147]).

В примерах (15а-в) выражается итеративное множество ситуаций, в реализации которых принимают участие одни и те же субъекты и объекты. Например, в высказывании (15в) говорится о том, что тихими вечерами в прошлом рассказчик не раз сидел на балконе мезонина и смотрел на бескрайнее море.

Само периферийное существительное в форме творительного беспредложного *вечером* в сочетании с адъективными распространителями типа *летним временем, вечерним временем* выступает при этом как особый тип обстоятельства цикличности: повторение ситуаций в таких высказываниях происходит циклично, через определенный промежуток времени: *летним временем* означает ‘через лето’; *вечерним временем* (≈ ‘вечерами’).

Чаще всего в качестве адъективных зависимых слов при периферийном существительном в функции обстоятельства времени, в том числе детерминантного типа, выступают указательные местоимения *этот, тот*, возвратно-притяжательное местоимение *свой*, качественные прилагательные *тихим, погожим*, а также относительные прилагательные, производные от существительных со значением времени года или части суток *летним временем* (≈ ‘летом’), *вечерним временем* (≈ ‘вечером, вечерами’).

Сопоставление примеров (14а-в) и (15а-в) демонстрирует смену типов обстоятельств, эксплицируемых периферийным существительным, – с обстоятельства даты [*этим временем (парень приблизился)*] в высказываниях с локализованными во времени событиями на обстоятельство цикличности [*летним временем (дождик не мешают)*] в высказываниях со значением неограниченно-кратного множества ситуаций, повторение которых происходит через определенный промежуток времени – год, сутки (зимой, весной, вечером, утром и т.п.). Несколько забегая вперед, отметим, что на стадии ядра наречий отсубстантивное наречие *временем/временами* представляет уже обстоятельство интервала, превышающего некую ситуативную норму: *Временами/временем казалось, что...* ≈ ‘Иногда казалось, что...’; ср. значение регулярности, обычности, типичности события (*всегда, обычно* и т.п.) и кратности, не достигающей некоей нормы (*редко, иногда* и т.п.) или превышающей такую норму (*часто, зачастую* и т.п.).

Кроме приведенных выше примеров употребления периферийного существительного *временем* при обозначении локализованных и нелокализованных во времени событий, см. также:

(16) (а) *Тем временем* Полина Ивановна проводила уборку [И. Грекова. Скрипка Ротшильда (1980)] [НКРЯ];

(б) *Потому что часы шли каждые своим временем* [Е. Куликов. Бельчонок // «Дальний Восток», 2019] [НКРЯ];

(в) *Много мужских и женских ретивых сердец, тоже, как и Татьяна, отдохавших на улице святым праздничным временем, слушая ее мастерскую песню, вспоминают тогда о том, какими теперь разноцветными лентами развеваются по родимым оставленным улицам знакомые хороводы...* [А. Левитов. Московские «комнаты снебилю» (1863)].

Субстантивные распространители при периферийном существительном *временем* в темпоральном значении в обследованном материале не обнаружены. Примечательно то, что форма творительного падежа *временами* в зоне периферийных темпоральных существительных не встречается. По-видимому, при адвербиализации она сразу, минуя стадии периферийных существительных и наречий, а также гибридных субстантивно-адвербиальных образований, транспонируется в зону ядерных наречий и характеризуется там устойчивым адвербиальным употреблением, в отличие от словоформы *временем*, представляющим в современном языке ступени ядра и периферии существительных, и отчасти зону ядерных наречий (о малой употребительности ядерного наречия *временем* в значении 'иногда' см. далее).

3.3. Ступень ядра отсубстантивных наречий

К ядерным наречиям относятся одиночные словоформы *временем/временами*, обозначающие в функции обстоятельства времени интервал между повторениями действия, превышающий некую ситуативную норму. Ср. высказывания, эксплицирующие три типа ситуаций, различающихся, с одной стороны, признаком локализованности (17) / нелокализованности действия во времени, а с другой – разными видами множества, регламентированного обстоятельством цикличности (18) или обстоятельством интервала, превышающего норму (19):

(17) *Тем временем* быстро темнело, надвигалась ночь – вроде последняя на их суматошном пути [В. Быков. Болото (2001)] [НКРЯ] (периферийное существительное в функции обстоятельства даты) [НКРЯ];

(18) «Как *нонешний год на ярманке?.. Ночным временем* пошаливают?» – *немного помолчав, спросил он у татарина* [П. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881)] [НКРЯ] (периферийное существительное

в функции обстоятельства цикличности: 'по ночам, ночью');

(19) (а) *Старый пастух ласковый попался, жалел сироту, и тот временем* ругался [П. Бажов. Каменный цветок (1938)] [НКРЯ] (ядерное отсубстантивное наречие *временем* в функции обстоятельства интервала, превышающего ситуативную норму: 'иногда');

(б) *Временами* слышался барабан и дальний гул... [А. Герцен. Долг прежде всего (1851)] [НКРЯ] (ядерное отсубстантивное наречие *временами* в функции обстоятельства интервала, превышающего ситуативную норму: 'иногда').

Как видим, в случаях (19а, б) имеют место два синонимичных темпоральных наречия, возникших в результате функционально-семантической адвербиализации одного и того же существительного *время* в форме творительного падежа единственного и множественного числа (*временем* и *временами*). Оба они используются для характеристики событий, повторяющихся реже, чем того требует, с точки зрения говорящего, ситуативная норма, т.е. иногда, а не всегда.

Наблюдения показывают, что наречие *временами* употребляется значительно чаще, чем наречие *временем*. «Словарь современного русского языка» [25, с. 809–810] ни отдельно, ни в словарной статье на существительное *время* не упоминает об этих наречиях, но в конце словарной статьи на *время* содержит отсылку к более ранним словарям, в частности к «Толковому словарю русского языка» Д.Н. Ушакова, где данные наречия зафиксированы. В 4-томном «Словаре русского языка» [26, с. 226] представлено лишь наречие *временами*, которому приписано значение 'по временам, иногда'. В качестве иллюстрации приводится пример употребления этого наречия при кратком прилагательном:

(20) *Лаевский в последнее время был с ним холоден, сдержанно-вежлив и временами даже дерзок и груб* (А. Чехов. Дуэль) [НКРЯ].

В «Большом толковом словаре русского языка» (под ред. С.А. Кузнецова) [27, с. 157] также фиксируется только наречие *временами* со значением 'время от времени, иногда' и пометой «разговорное»:

(21) *Временами* шел дождь;

(22) *Временами* чувствую себя не очень хорошо.

Как показывает исследование, для современного языка характерна только оппозиция «ядерное существительное *временами*» – «ядерное наречие *временами*», при отсутствии периферийного существительного *временами* (в функции обстоятельства даты или цикличности), гибридной субстантивно-адвербиальной словоформы *временами* и периферийного наре-

чия *временами*, функционирующих в рамках семантической зоны исходной субстантивной лексемы *время*.

Ср. контексты употребления лексико-грамматических омонимов *временами*, представляющих на шкале адвербиализации ядерные зоны существительного [С(ущ)] (23) и наречия [Н(ареч)] (24):

(23) *Скучные, глухие времена дедушки сменились временами молодых господ* [И. Бунин. *Суходол* (1911)] [НКРЯ] (ядерное существительное в значении ‘период’);

(24) *Дома осталась домработница, но та временами отлучалась, и Соня подолгу была дома одна* [Ю. Трифионов. *Дом на набережной* (1976)] [НКРЯ] (наречие в значении ‘время от времени, иногда’).

Что касается ядерного наречия *временем* со значением интервала выше нормы (25а-в), употреблявшегося в основном в XIX веке, то оно может быть соотнесено с ядерным (26а, б) и периферийным существительным *временем* (27); ср.:

(25) (а) *Он был бледен и тяжело переводил дух; руки его тряслись, и нервическая дрожь пробегала, временем, по всему его телу* [Ф. Достоевский. *Село Степанчиково и его обитатели* (1859)] [НКРЯ];

(б) *Временем это на меня просветление находит, вдруг как будто прояснится, а потом и опять* [А. Островский. *На всякого мудреца довольно простоты* (1868)] [НКРЯ];

(в) *Временем царь как будто приходил в себя, и каялся, и молился, и плакал, и сам назывался смертным убойцею и сыроядцем* [А. Толстой. *Князь Серебряный* (1861–1863)] [НКРЯ];

(26) (а) *Он поладит и с этим временем, он соответствует* [В. Маканин. *Кавказский пленный* (1995)] [НКРЯ];

(б) *Сегодняшнее его тело – поношенное, истаскавшееся, неподвижное, и то – пухлое, новенькое, невинное; неужели же это был один и тот же предмет, хотя бы изменённый временем?* [И. Грекова. *Фазан* (1984)] [НКРЯ];

(27) *Заберется, бывало, Гаранька на чердак и зимним временем, плотно прижавшись к чуть теплой трубе, сидит по нескольку часов над каким-нибудь «Цветником» либо «Прологом»...* [П. Мельников-Печерский. *На горах*. Книга первая (1875–1881)] [НКРЯ].

Наречия *временами* и *временем* употребляются в качестве примыкающих компонентов словосочетания при словах разной частеречной принадлежности, а также в функции темпорально-аспектуальных детерминантов. Чаще всего они используются при глаголах в разных формах грамматической репрезентации (личные формы, деепричастия, причастия, инфинитивы:

(28) (а) *Временем приходится их прижать, да душою мы за них* [В. Вересаев. *В тупике* (1920–1923)]; *От этой болезни, со страшными истерическими припадками, больная временами даже теряла рассудок* [Ф. Достоевский. *Братья Карамазовы* (1880)] [НКРЯ];

(б) *Приманчивые уста, находясь временем в движении, изображали приятные поцелуи и всегдешнее желание облобызать милого человека* [М. Чулков. *Пересмешник, или Славенские сказки* (1766–1768)] [НКРЯ]; *Молча он выслушал мой рассказ, временами кивая головой, точно соглашаясь: так, мол, должно быть...* [А. Хейдок. *Храм снов* (1924–1934)] [НКРЯ].

Встречаются и случаи употребления их с прилагательными и наречиями, в том числе в безлично-предикативной функции, существительными; ср.:

(29) *Его поэзия в основном была грубо материальной, вещественной, нарочито корявой, немusыкальной, временами даже косноязычной* [В. Катаев. *Алмазный мой венец* (1975–1977)] [НКРЯ];

(30) *В тот день, о котором мы говорим, Николай Тургенев хохотал, кидаясь на кожаный диван, вскакивал снова, брал книжку, лежавшую на столе, читал дальше и опять смеялся, временами беззвучно, а временами звонким и залихватистым хохотом* [А. Виноградов. *Повесть о братьях Тургеневых* (1932)] [НКРЯ];

(31) *Временами приятно было глядеть на камни, стены – как они тихо лежат и как долго!* [Б. Зайцев. *Аграфена* (1908)]. [НКРЯ].

Как и синонимичное наречие *порой*, отсубстантивные наречия *временем*, *временами* лишены каких бы то ни было семантико-грамматических свойств исходного существительного *время*. Они не имеют грамматической семантики предмета и, соответственно, средств его выражения – грамматических категорий рода, числа и падежа, словоизменительных потенций, т.е. парадигм категорий падежа и числа, застыв при адвербиализации на ступени ядра наречий в фиксированных формах творительного падежа единственного и множественного числа. Рассматриваемые адвербиалы не входят в лексико-грамматические разряды, к которым принадлежит исходное существительное, а именно в подклассы существительных нарицательных, неодушевленных и абстрактных по семантике и конкретных по грамматическим свойствам, в частности способности иметь формы множественного числа. Не свойственны отсубстантивным наречиям и первичные синтаксические функции существительных – подлежащего и дополнения, способность иметь при себе зависимые слова в виде адъективных и при-

субстантивных распространителей, оттеняющих семантику и грамматику субстантивных слов.

Употребляясь в роли обстоятельства времени (интервала), они подверглись функционально-семантической транспозиции в класс наречий, приобретя категориальную семантику признака признака, свойство неизменяемости, первичную функцию обстоятельства, особый способ связи с главным словом словосочетания – примыкание. Данные адвербиализованные существительные вошли в подкласс обстоятельственных наречий со значением интервала, превосходящего некую ситуативную норму. Определенные сдвиги произошли и в морфемной структуре этих слов: флексии существительного *-ем, -ами*, преобразовались в суффиксы *-ем, -ами*, утратив свой грамматический статус. В связи с этим состав основ указанных наречий расширился. С точки зрения современного русского языка их можно считать результатом морфологического суффиксального словообразования, в историческом же аспекте – продуктом морфологосинтаксического словообразования, а именно функционально-семантической адвербиализации существительного в двух грамматических формах творительного падежа единственного и множественного числа, следствием которой стало образование лексико-грамматических омонимов – *временем, временами* (существительные) *временем, временами* (наречия).

Рассматриваемые отсубстантивные наречия получили лексико-графическую фиксацию в специализированных словарях русского языка. Ср. их упоминание, правда, без указания на значение, например, в «Словаре грамматических омонимов русского языка» О.М. Ким и И.Е. Островкиной [28, с. 119]:

ВРЕМЕНАМИ:

1. **Временами**, сущ., тв. мн. от в р е м я (1), ср.: *С грамматическими временами тесно связаны виды глагола.*

2. **Временами**, нареч. *Временами шел дождь. И чудится за громыханьем волн временами, Что не броненосец, лягаясь, становится на корму, А дыбится жизнь и пугается воспоминаний.* Пастернак.

ВРЕМЕНЕМ:

1. **Временем**, сущ., тв. ед. от в р е м я (1), ср.: *Разговор шел за ужином, и мы располагали временем, так как нам уже некуда было спешить.* Н. Тихонов.

2. **Временем**, нареч. Разг.-сниж. – *По совету открою: временем наваливается на меня такая тоска, готов руки на себя наложить.* Н. Успенский.

Приводятся оба рассматриваемых отсубстантивных наречия и в «Толковом словаре служеб-

ных частей речи» Т.Ф. Ефремовой [29, с. 118], где каждое из них также дается в рамках отдельной словарной статьи как обстоятельственное наречие времени с пометами «разговорное» (*временами*) и «разговорно-сниженное» (*временем*). При этом значение наречия *временами* истолковывается как ‘Время от времени; иногда’, а значение наречия *временем* – путем отсылки к наречию *временами*.

Следует иметь в виду также, что на базе существительного *время* возникли не только рассмотренные наречия, но и темпорально-модальный предикатив; ср. контекст его употребления:

(32) **Время** *делать выводы* (≈ ‘наступил момент, когда необходимо делать выводы’).

С аналогичным значением выступает и отсубстантивный предикатив *пора*:

(33) **Пора** *расходиться: уже поздно.*

Заключение

Исследование механизма транспозиции субстантивных словоформ *временем* и *временами* показывает, что этот процесс представлен в современном русском языке несколькими этапами, фиксируемыми в типовых контекстах, а именно стадиями ядерных и периферийных существительных, сохраняющих основные семантико-грамматические свойства исходного класса слов и демонстрирующих в зоне периферии некоторое движение в сторону наречий, а также стадией ядерных отсубстантивных наречий, для которых характерны дифференциальные признаки наречий: категориальная семантика признака признака; принадлежность к подклассу обстоятельственных наречий со значением интервала, превосходящего некую ситуативную норму; неизменяемость; примыкание как способ присловной подчинительной связи с главным компонентом словосочетания и др. Выявлено, что исследуемые субстантивные словоформы не представляют, в отличие от других существительных типа *летом, утром, шепотом, стрелой*, такие этапы адвербиальной транспозиции, которые связаны с зонами гибридных структур и периферийных наречий, функционирующих в пределах семантической зоны исходных лексем в качестве особых, адвербиальных типов употребления. У словоформы *временем* отсутствует и зона периферии существительных. Приведенные наблюдения свидетельствуют о сложности и противоречивом характере адвербиализации отдельных субстантивных словоформ, поэтапно «двигающихся» в типовых контекстах от класса существительных в класс наречий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674.

Список литературы

1. Воротников Ю.Л. Слово и время. М.: Наука, 2003. 168 с.
2. Пешковский А.М. Школьная и научная грамматика. Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике. М.; Петроград: Госиздат, 1923. 115 с.
3. Шигуров В.В. «Судя по» в контексте модалации и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 42–55.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
5. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
6. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–71.
7. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.
8. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // *La Linguistique*. 1967. № 1. P. 13–26.
9. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen, 1982. 241 p.
10. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-грамматичному аспекті. Київ: Наукова думка, 1988. 256 с.
11. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
12. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1981. 200 с.
13. Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
14. Калечиц Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи: (межкатегориальные связи). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 160 с.
15. Шигуров В.В. Лингвистические и экстралингвистические причины предикативации причастий в русском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 4. С. 3–11.
16. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Modalation of verbal adverbs in the Russian language // *European Journal of Natural History*. 2015. № 4. P. 57–59.
17. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Theoretical basics of the transpositional grammar of Russian language // *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. 2016. Vol. 5. No. 5. P. 237–245.
18. Норман Б.Ю. Жизнь словоформы. М.: ФЛИНТА, 2016. 216 с.
19. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики: (Из университетских чтений). М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 356 с.
20. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938. 452 с.
21. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
22. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 1. Изд. 2-е. Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1965. 302 с.
23. Тихомирова Т.С. Процесс адвербиализации творительного падежа (на материале польского языка) // Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 313–350.
24. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 348 с.
25. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Т. 2. 1394 с.
26. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 1. А–Й. 698 с.
27. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
28. Ким О.М., Островкина И.Е. Словарь грамматических омонимов русского языка. М.: Астрель: АСТ: Ермак, 2004. 842 с.
29. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2004. 814 с.

DEGREES AND LIMIT OF ADVERBIALIZATION OF SUBSTANTIVE WORD FORMS BY TIME AND TIMES

V.V. Shigurov, T.A. Shigurova

The problem of adverbial transposition of non-prepositional forms of instrumental case into the class of adverbs is investigated. The relevance of the work is due to the lack of knowledge of the structure and patterns of functioning of the mechanism of stepwise transposition of language units in the grammatical structure of the Russian language. The aim of the work is to determine the stages and limits of the transposition of substantive word forms into the class of adverbs. Using the method of oppositional analysis, it has been established that the adverbial transposition of the studied substantive word forms is explicated in typical contexts in three stages, fixing the zones of nuclear nouns (the first stage), peripheral nouns (the second stage) and nuclear adverbs (the third stage) respectively. The zones of hybrid formations and peripheral adverbs are bypassed by these word forms in the semantic-grammatical development, immediately transforming into nuclear adverbs. The limit of adverbialization of the word forms "time" and "times" are adverbs that have gone beyond the semantic zone of the noun "time". The formation of these adverbs is associated with the functional-semantic type of adverbial transposition of nouns, accompanied by a violation of the semantic identity of the original lexeme and the formation of lexico-grammatical homonyms. The results of the study can be used in the further development of the problems of transpositional grammar of the Russian language, as well as in the practice of teaching Russian grammar in higher and secondary schools.

Keywords: Russian language, grammar, transposition, adverbialization, noun, adverb, degree.

References

1. Vorotnikov Yu.L. Word and time. M.: Science, 2003. 168 p.
2. Peshkovsky A.M. School and scientific grammar. The experience of applying scientific and grammatical principles to school practice. M.; Petrograd: Gosizdat, 1923. 115 p.
3. Shigurov V.V. «Judging by» in the context of modulation and prepositionalization: towards the calculation of indices of transposition // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language. 2020. Vol. 79. № 6. P. 42–55.
4. Bally Sh. General linguistics and questions of the French language. M.: Publishing House of Foreign Literature, 1955. 416 p.
5. Tenier L. Fundamentals of structural syntax. M.: Progress, 1988. 656 p.
6. Kurilovich E. Lexical derivation and syntactic derivation // Kurilovich E. Essays on linguistics. M., 1962. P. 57–71.
7. Uryson E.V. Syntactic derivation and the «naive» picture of the world // Questions of linguistics. 1996. № 4. P. 25–38.
8. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. № 1. P. 13–26.
9. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen, 1982. 241 p.
10. Vihovanets I.R. Parts of speech in the semantic and grammatical aspect. Kiev: Naukova Dumka publ., 1988. 256 p.
11. Stekauer P.A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
12. Kubryakova E.S. Types of linguistic meanings. Semantics of a derivative word / USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. M.: Science, 1981. 200 p.
13. Bauder A.Ya. Parts of speech – structural and semantic classes of words in modern Russian. Tallinn: Valgus, 1982. 184 p.
14. Kalechits E.P. Interaction of words in the system of parts of speech: (inter-categorical connections). Sverdlovsk: Ural University Press, 1990. 160 p.
15. Shigurov V.V. Linguistic and extralinguistic reasons for the predication of participles in the Russian language // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language. 2013. Vol. 72. № 4. P. 3–11.
16. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Modalation of verbal adverbs in the Russian language // European Journal of Natural History. 2015. № 4. P. 57–59.
17. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Theoretical basics of the transpositional grammar of Russian language // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. Vol. 5. № 5. P. 237–245.
18. Norman B.Y. The life of word forms. M.: FLINT, 2016. 216 p.
19. Bogoroditsky V.A. Russian grammar course: (From university readings). M.; L.: Sotsekgiz, 1935. 356 p.
20. Peshkovsky A.M. Russian syntax in scientific coverage. M.: Uchpedgiz, 1938. 452 p.
21. Babaytseva V.V. Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language. M.: Bustard, 2000. 640 p.
22. Isachenko A.V. The grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak morphology. Part 1. Ed. 2nd. Bratislava: Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, 1965. 302 p.
23. Tikhomirova T.S. The process of adverbializing the creative case (based on the material of the Polish language) // Creative case in Slavic languages. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. P. 313–350.
24. Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis. L.: Science, Leningrad Publishing House, 1987. 348 p.
25. Dictionary of modern Russian literary language: In 17 volumes, L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. Vol. 2. 1394 p.
26. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / USSR Academy of Sciences. Institute of the Russian Language; Edited by A.P. Evgenieva. 2nd ed. corrected and expanded. M.: Russian language, 1981–1984. Vol. 1. 698 p.
27. Russian Dictionary / Comp. and Editor-in-Chief S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p.
28. Kim O.M., Ostrovkina I.E. Dictionary of grammatical homonyms of the Russian language. M.: Astrel: AST: Ermak, 2004. 842 p.
29. Efremova T.F. Explanatory dictionary of the official parts of speech of the Russian language. 2nd ed., corrected. M.: Astrel: AST, 2004. 814 p.